

Е.А. Певак (Москва, Россия)

Этика и эстетика в современной русской литературе¹

Аннотация: Этический тоталитаризм в сфере культуры – черта настоящего времени – опаснее, чем этический индифферентизм. Одна из возможностей реализации принципа этического индифферентизма – сосредоточенность на эстетической проблематике. История русской литературы свидетельствует о том, что чем меньше этики в творчестве, тем успешнее само творчество, что менее опасно существовать в рамках некоего общепринятого морального кодекса, чем находиться в ситуации этического самоограничения. Получается, что, с одной стороны, в современном мире права индивидуальности расширяются, с другой – поведение индивидуума строго регламентируется исходя из правил, которые выдвигаются представителями отдельных групп граждан. В сфере эстетического эксперимента, как кажется, у автора больше прав, чем обязанностей; в этической сфере доминируют обязательства.

Ключевые слова: этика и эстетика, творческая свобода, этический тоталитаризм, современная русская литература

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

Ethics and Aesthetics in Contemporary Russian Literature

Abstract: Ethical totalitarianism in the sphere of culture – a feature of the present time – is more dangerous than ethical indifferentism. One of the possibilities for realizing the principle of ethical independence is focusing on aesthetic issues. The history of Russian literature shows that the less ethics bounds there is in creativity, the more successful is the creativity itself, and it is less dangerous to exist within the framework of some generally accepted moral codes than in situation of self-limiting by ethics rules. It turns out that, on the one hand, the rights of individuality are expanding in the modern world, on the other, the behavior of an individual is strictly regulated by the rules that are put forward by representatives of certain social groups. In the realm of aesthetic experimentation, the author seems to have more rights than responsibilities; in the sphere of ethics author is limited by the dominated norms of social institutions.

Key words: ethics and aesthetics, creative freedom, ethical totalitarianism, contemporary Russian literature

¹ Доклад был представлен на Ломоносовских чтениях 2021 г. (филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова).

Прежде чем перейти к вопросу о том, как в современной русской литературе соотносятся этика и эстетика, уточним: практика использования двух близких понятий – этика и мораль – свидетельствует об их частом отождествлении, хотя разница все-таки существует. Этика – это скорее моральное самосознание автора, выбор и осмысление им действующих в обществе моральных норм, их отторжение или принятие (активное или пассивное), пренебрежение ими или сосредоточенность на вопросах морали, которые становятся объектом художественного исследования и осмысления в литературном произведении.

Сегодняшний акцент именно на этической – не на моральной – составляющей акта творчества обусловлен изменениями, происходящими в мире в целом и связанными с тенденцией к усилению позиций индивидуальности. Опора на индивидуальное начало и приводит к тому, что личные представления автора о том, что хорошо, а что плохо, оказываются важнее общепринятой морали. В этом отличие от писательской практики предшествующего периода, когда автор, даже отстаивая права личности, выступал под эгидой идеологии того или иного цивилизационного проекта, в XIX в., к примеру, становясь на сторону западников или славянофилов, нигилистов или защитников православия и народности. Рубеж XIX–XX вв. в русской литературе характеризуется выдвижением концепции индивидуального искусства, свободного от необходимости обслуживать социально-политические доктрины. На деле же получалось, что декларируемая свобода творчества приносилась в жертву обновленным идеологическим схемам, что очевидно, если обратиться к деятельности некоторых старших символистов, с головой окунувшихся сначала в религиозно-общественную проблематику, а затем и в политику¹. Не говоря уже о приверженцах реалистической традиции, часть которых сохраняла связь с народнической идеологией, часть увлеклась русским марксизмом в его большевистско-меньшевистской трактовке². Отечественный авангард в его литературном воплощении, нацеленный на тотальное обновление искусства, был обречен на втягивание в орбиту революционной идеологии вследствие собственных эстетических деклараций (разрушение старого), а также по причине сложившейся в это время взрывоопасной общественно-политической ситуации. Инерция разрушения старого и созидания нового питала русскую литературу в течение первых 5–8 пореволюционных лет, отмеченных рождением / умиранием большого количества группировок, выступающих с диаметрально противоположными концепциями, – иногда неоклассицистического толка, ориентированными на старые образцы, но в большинстве своем представляющими собой доведенные до крайности прогрессивные идеи в сфере искусства, выдвинутые деятелями Серебряного века. В раннесоветский период предпринимались попытки, смикшировав эти нередко враждебно настроенные по отношению друг

¹ Речь идет прежде всего о петербургском крыле старших символистов, представленном такими яркими фигурами, как З. Гиппиус и Д. Мережковский. Революционный размах в русской литературе в эпоху Первой русской революции тоже явление показательное, хотя и ситуативное. Особое место в ряду старших символистов принадлежит Вяч.И. Иванову, соединившему в своей теории символизма западно-космополитичную идею искусства с подпитанной нищезанятием русской идеей. Отметим также, что предлагаемое символистами обновление искусства, как представляется, в большей степени сосредоточено было на идеологии, не на эстетике, – эстетические новшества случились сами собой.

² Трансформация классического реализма в 1910-е гг. в творчестве писателей, группировавшихся вокруг альманахов «Шиповник», «Земля», «Московского книгоиздательства», а также в произведениях писателей, ориентированных на реалистический символизм, – это выражение оптимистической философии жизнелюбия в противовес символистскому жизнелюбию, базирующемуся на идее неприятия объективного мира.

к другу эстетико-идеологические потоки, соединить их в формирующейся советской литературе. Сказать, что попытка эта была во всем удачной, едва ли можно, о чем свидетельствует как сам первый писательский съезд, так и сопутствовавшая ему атмосфера. В то же время результат, которого достигла советская власть, впечатляет: предустановленные задачи – увести литературу из русла чистого авангардизма и подкрепить ее реалистической традицией XIX в., обогатив по-своему понятным романтизмом – источником жизнотворческого пафоса (причем жизнотворческий потенциал советского словесного искусства был дополнен схемами, уже бытовавшими в теориях символистов), – в целом, были решены.

На рубеже XX–XXI вв. была поставлена простая цель – преодолеть внешнюю зависимость от соцреализма как эстетического, политического проекта, ставившего перед авторами задачу переформатировать личность, опираясь на разрабатываемый кодекс морали советского человека. Следует отметить, что эстетический аспект в идее создания нового искусства – социалистического реализма – был не менее важен, чем моральный и даже политический; и так же важна была связь между этикой автора и его эстетическими приоритетами. Возможно, эта четко обозначенная идеологами связь – этический выбор автора и задачи пропаганды новой, советской морали – актуализировала вопросы, не решенные и сегодня.

В какой степени свобода творчества защищена личными представлениями автора о природе человека, его правах и обязанностях в отношении мира и социума, т. е. его, авторским этическим кодексом? В какой мере свободен автор от того, что ему предлагается или навязывается политическими или общественными институтами? Стоит ли мириться (принимая это как нечто от века данное) с тем давлением, которое оказывают на автора коммерческие издательские структуры, или пул критиков, или «корпоративная» этика литературных группировок? Изменение политических взглядов, моральных установок автора, т. е. изменение авторского кредо, автоматически влечет за собой изменение эстетических принципов? Или действует схема, предложенная Пушкиным: «Пока не требует поэта...»?

Эйфория постперестроечных лет подарила авторам иллюзию полного освобождения от любого диктата, хотя на самом деле, – как показало время, – только лишь от диктата исчезнувшего государства, с которым многие авторы по инерции до сих пор сражаются, заменив моральный кодекс строителя социализма – моральным кодексом разрушителя социализма. К тому же скоро положение осложнилась тем, что, получив возможность игнорировать общественную мораль, автор оказался в тисках «корпоративной» этики, должен был четко озвучить этическую позицию в рамках жестко обозначенной парадигмы ценностей, что стало помехой творчеству – отвлекающим от творчества моментом.

В прежние времена автор мог снять этическую проблематику и свободно творить под сенью всеобщей морали или всеобщего аморализма, руководствоваться библией или кодексом революционера-разрушителя. В нынешней ситуации, когда каждый, с одной стороны, отвечает сам за себя, а с другой – вынужден следовать этическому дресс-коду, существовать значительно сложнее. Для того чтобы быть востребованным, успешным «издательским проектом», теперь уже недостаточно следовать прекрасным образцам прошлого или совершать прорыв в сфере эстетики, тем более что в ситуации всеобщей борьбы с эстетизмом, с представлением об искусстве как особой сфере человеческой деятельности это опасно, и коммерчески невыгодно. Путь к славе, иногда недолгой, пролегает в иной сфере – там, где решаются вопросы выбора правильной «системы ценностей», что в нынешней ситу-

ации воинствующей толерантности, чрезвычайно усложняет задачу тем авторам, которые включились в распри сегодняшнего дня, не обладая в достаточной мере запасом внутренней прочности. В выигрыше оказались писатели, не попавшие в эту ловушку. В ряду наиболее удачливых и справившихся с соблазнами сиюминутной известности назовем современных классиков Пелевина и Сорокина. Оба в силу присущей им субъективной самодостаточности, как эстетической, так и этической, могут позволить себе роскошь быть вне ситуации объявленной войны за ценности. К ним добавим ушедшего из жизни в марте 2020 г. Эдуарда Лимонова, обладавшего своим этическим кодексом, своими политическими убеждениями, подкрепленными реальными действиями, – и своим стилем, как и первые два автора.

Если же рассматривать литературную ситуацию в целом, то напрашивается вывод, что сложнее всего существовать писателям «нулевых», для кого «ярлыки» были заготовлены заранее теми, кто уже структурировал литературное поле так, чтобы индивидуальное творческое кредо сразу же попадало в одну из заранее заготовленных матриц.

Вопросы этики и морали в произведениях русских авторов всегда занимали одно из ключевых мест, хотя и нормы морали, и представления о моральном долге автора менялись, и нередко менялись самым решительным образом. Как это произошло в XIX в. – в связи с широким распространением либеральных идей в России. В литературе это выразилось в появлении произведений, транслирующих аморализм радикально настроенных представителей части русского общества. Чем же руководствовались авторы, которые приняли решение вступить в обсуждение злободневных для общества вопросов? В этой связи возникает более широкий вопрос: в какой мере литература должна (если вообще должна) быть проводником или пропагандистом определенных взглядов на человека и его поведение, тем более что на протяжении XIX–XX вв. эти функции писателям – хотели они того или нет – были делегированы? И еще один вопрос: не была ли забыта при этом, не игнорировалась ли сознательно эстетическая составляющая?

Казалось бы, установка на пропагандистскую деятельность автоматически отодвигала на второй план эстетическую проблематику. Но в русской литературе мы имеем примеры того, как пропагандистский пафос приводил к интересным экспериментам в области формы, – не говоря уже о поэзии Некрасова, новаторство которого в сфере поэзии очевидно, можно вспомнить, к примеру, Н.Г. Чернышевского; его романы «Что делать», «Пролог» заслуживают внимания именно как своеобразная интерпретация этого жанра.

К концу XIX в. в обществе наблюдалось охлаждение к тем вопросам (социально-политическим), которым прогрессивно настроенные авторы уделяли немало внимания в предшествующий период. Внимание писателей фокусируется на проблемах индивидуальности и индивидуального восприятия действительности во всех ее проявлениях. Рубеж веков, казалось бы, закрепил этот новый тренд в русской литературе, но ненадолго. Внутри модернизма, в большей степени ориентированного на индивидуализм и содержащего в себе установки на игнорирование общепринятых моральных норм, на этический индифферентизм, рождаются новые пророки и их последователи, которые возвращаются к некрасовской традиции – в той ее части, которая связана с утверждением «Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан».

Эта особая, новая гражданственность, проявляемая в форме следования новым интерпретациям христианства, или партийной идеологии, или демотеистической тенденции (оформившейся в эти годы, но по-разному проявляемой в разных ли-

тературных группировках), сочеталась с пренебрежением этическими нормами, с бравоированием своим аморализмом в повседневной жизни, с попытками утверждения с помощью литературных произведений своей «морали» – в противовес общепринятым правилам поведения. Интересно отметить, что эта новая мораль в прозе обыкновенно представляла в форме традиционных жанров или сочетания элементов традиционных жанров: нравоучительного романа, романа воспитания, нравоописательного романа, бытоописательного, авантюрного романа. Разумеется, приобретающих специфические черты, обусловленные влиянием символизма, импрессионизма, нового реализма, – но (парадокс) учительский характер литературы сохранялся. При этом говорить о серьезных прорывах авангардного типа в области формы (в том числе поэтической) – до появления футуристических группировок (куда вошли отколовшиеся от символизма и акмеизма авторы) – и, кстати, новокрестьянских поэтов, – особых оснований нет. Оценивая творчество символистов в целом, скорее можно говорить не формировании новой эстетики, а о размывании старой (причем расшатывать старые формы начал, к примеру, еще Константин Фофанов – до оформления символизма как эстетической концепции).

Установка на формальную новизну, на прорыв в сфере эстетики (перформансы, акционизм) в сочетании с социальной проблематикой отличала футуристическую группу «Гилея». Война, объявленная буржуазной морали, тоже является характерным признаком этой группы. Но и менее воинственные футуристические группировки, эгофутуристы к примеру, близкие в своей проповеди индивидуализма к эгоцентристской концепции Макса Штирнера, по сути дела, в отношении традиционной морали вели себя так же, как и гилейцы, – разрушали ее, проявляя в то же время активное стремление изменить само представление об искусстве (акционизм Василиска Гнедова – «Смерть искусству», «Поэма конца»).

Активная фаза войны с буржуазной, мещанской моралью продолжалась и после 1917 г., пожалуй, до конца 1920-х гг.¹, под лозунгом полного раскрепощения человека. Постепенно, при непосредственном участии советских писателей-сатириков, формировалась в борьбе со старой новая мораль – мораль советского человека, пришедшая и на смену моральной разнузданности, характерной для первых пореволюционных лет. А параллельно с этим процессом происходила формализация литературного сообщества, которая практически свела на нет эстетические эксперименты широчайшего спектра, характерные для первой половины 1920-х гг.²

В объявленной на первом съезде писателей (в 1934 г.) доктрине социалистического реализма, наряду с эстетическими задачами, перед литераторами ставили и задачу воспитания граждан в духе верности определенным политическим идеалам, но и нормам советской морали, принципам нового гуманизма с его классовым подходом к вопросу о ценности человеческой личности.

Схема эта, колеблемая историческими событиями, начиная со второй половины XX в. подвергается атакам как со стороны диссидентствующих авторов, ставящих перед собой цель разрушить / реформировать политический строй, так и со стороны, условно говоря, «традиционалистов», которые в своих произведениях возрождали идущие из христианства представления о человеке и правилах его поведения, очерчивая допустимые границы его эгоистического самовыражения (писатели-деревенщики).

¹ Хотя уже в 1924 г. в брошюре «Революция и молодежь» появилась статья врача-психотерапевта А.Б. Залкинда «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», призванная научить молодых людей нового, советского государства держать в узде свои природные инстинкты.

² Остаточные явления в сфере эстетического новаторства – обэриуты (1928–1931).

Изменение общественно-политического устройства страны в конце XX в. сопровождалось бурными переменами в сфере морали, чему способствовало, в частности, появление книг в еще не разрушенном СССР, прежде запрещенных к распространению, таких как «Это я – Эдичка» (1990–1991) или «Лолита» Набокова. Поучаствовали в разрушении советской морали переиздания произведений писателей первой трети XX в., как русского зарубежья («Аполлон Безобразов» Бориса Поплавского, «Гнев Диониса» Евдокии Нагродской), так и метрополии (Михаила Кузмина, Федора Сологуба).

Параллельно процессу возвращения изгнанных из литературы имен шел процесс создания новых литературных форм, которые принято связывать с постмодернизмом.

Разумеется, и «вернувшиеся» авторы, и те, которые укрепили свои позиции в постсоветский период, принесли не только новую мораль, но и новые представления об эстетических нормах. Но постепенно эстетическая проблематика уступила место активно насаждаемым в обществе этическим нормам, что существенно сузило возможности свободного самовыражения автора, ограничивая его даже в тех случаях, когда он уже работает в рамках комфортной для него идеологии. Неоправданно большое количество запретных тем и даже слов словно бы возвращает нас к тому времени, когда одним из главных инструментов для писателя был эзопов язык, а от читателя требовалось умение читать между строк. Таков был путь противодействия цензуре государственного уровня. Но будет ли он результативен сегодня, когда противостоять необходимо не государственному монстру, а множеству «цензурных» уколов со стороны не только разных, но принципиально расходящихся в оценке общественных групп?

Таким образом, стремление к полной свободе странным образом соединилось с требованиями соблюдать широкий ассортимент этических норм, отражающих интересы разных сегментов социума. Отражает двоякость создавшегося положения появившийся в «Новой газете» манифест Богомолова¹, который можно трактовать как знак осознания нависшей опасности, ощущаемой не им одним. Статья Богомолова об этическом беспределе, так же как и отклики на нее², – интересный пример сегодняшнего разведения двух явлений: авторской этики (защита) и общественной морали (отказ от нее), – и одно из свидетельств того, что обретенная в процессе разрушения старых догм свобода была лишь иллюзией.

Свобода автора (этическая свобода) подвергается атакам со стороны – в данном случае – институций, которые в отличие от предшествующего периода представляют собой не монолит (что бывает в авторитарном государстве), а общественную мораль, раздробленную на осколки, разные по размеру, по активности, по уровню враждебности к оппонентам.

На фоне непрекращающейся борьбы мировоззрений (последователи либеральной, либертарианской, неоконновской идеологии против защитников традиционных представлений, сторонников сохранения национального государства вопреки глобалистской повестке дня) этический вопрос в отношении авторов еще больше актуализируется и нередко используется в политической борьбе. В чем можно убе-

¹ Богомолов К. Заводной апельсин: novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0

² См., напр.: *Вырыпаев Иван*. Возвращение «похищенного» Запада. В ответ на... : <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/11/89158-vozvrashchenie-pohishennogo-zapada>; *Мартынов Кирилл*. Против манифестов: Почему современному либерализму не угрожают ни Константин Богомолов, ни Сергей Лавров: novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89139-protiv-manifestov; *Хольм Керстин (Holm Kerstin)*. Второе похищение в Европе: www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/russlands-intellektuelle-positionieren-sich-um-abkehr-vom-westen-17197638.html; *Аджан Джордж (Aijan George)*. A Russian Rebuke: <https://www.theamericanconservative.com/articles/a-russian-rebuke/>

даться, если вспомнить недавние истории с текстами современных авторов, против которых выдвигаются обвинения именно в неэтичности (автора). Тема эстетического совершенства / несовершенства художественного произведения существует на периферии этих споров – как вспомогательная («еще и писать не умеет»)¹.

Этический тоталитаризм в сфере культуры – черта настоящего времени – опаснее, чем этический индифферентизм, который позволяет сосредоточиться на эстетической проблематике и реализовать принцип этической независимости². История русской литературы свидетельствует о том, что чем меньше навязанных автору извне «правил», тем больше у него шансов достигнуть высот в творчестве. И существование в рамках морального кодекса, обслуживающего идеологию большинства, менее опасно, чем пребывание в суженных толерантностью до предела рамках, не оставляющих пространства для этического маневра. Два века (XIX–XX) жестокой цензуры, стоящей на страже интересов государства, реализующего масштабные политические и культурные проекты, судя по результатам, оказали благотворное влияние и на литературу и на искусство в целом – не имея возможности внедриться в глубины авторского сознания. С этой проблемой – проникнуть писателю в душу и вмешаться в процесс поиска им новых форм самореализации – успешно справляется этический тоталитаризм.

Сегодня ситуация складывается так, что вновь актуальной становится первая повесть Пелевина «Затворник и Шестипалый». Получается, что, с одной стороны, права индивидуальности расширяются, с другой – поведение индивидуума строго регламентируется исходя из правил, которые выдвигаются представителями отдельных групп граждан. В сфере эстетического эксперимента сегодня у автора, на первый взгляд, больше прав, чем обязанностей, но эти свободолобивые эксперименты все чаще напоминают подростковый эпатаж, а не серьезные поиски, обусловленные внутренней необходимостью заменить устаревший эстетический инструментарий новым.

От ощущения несвободы не смог освободить автора даже идейный (в нашем, русском изводе³) постмодернизм, хотя надежды на это были. Впрочем, и «заграничный» постмодернизм столкнулся с похожим ощущением творческой несвободы, обусловленной коммерциализацией искусства, пришедшей на смену меценатству⁴. Теперь же ситуация отягощается тем, что к коммерческому добавлен фактор толерантности, еще более сузивший пространство для личных экспериментов автора.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru

¹ Обвинения в плагиате в адрес Г. Яхиной, Л. Улицкой, М. Шишкина, С. Алексиевич.

² В качестве исторического примера приведем опыт постсимволистов-акмеистов, увидевших возможность освобождения от символистского миропонимания в опоре на «цеховые» правила.

³ Рассматриваем в данном случае постмодернизм не как набор формальных приемов, которые практикуют авторы, а как философию искусства.

⁴ Чтобы понять разницу между меценатством и сугубо коммерческим подходом эпохи поп-арта, например, вспомним историю с изданием «Золотого Руна», финансируемого Н.П. Рябушинским, попытки которого «поручководить» журналом воспринимались редколлегией и авторами как личное оскорбление.